

С рассветом незаметно тают сны

С рассветом незаметно тают сны,
Их мягкий абрис прячется в кровати,
Чтобы однажды, может быть, некстати,
Нарушить ритм полночной тишины.

И закружит безудержно Земля
В узоре паутином занавески,
А на обоях вмиг проступят фрески,
Сон заполняя вкусом миндаля.

Среди известных профилей вождей,
Поп-музыкантов и телеведущих
Ты вдруг увидишь — хромоногий грузчик
Застыл случайно у твоих дверей.

А рядом с ним потерял чемодан
Величиною с дом пятиэтажный,
Но если присмотреться, груз — бумажный,
Похожий на картонный барабан.

Мелькают лица позабытых дней,
Звучит чуть слышно "Лунная соната",
А грузчик с пунктуальностью солдата
Бьет в барабан иль по душе твоей.

И стая белоснежных голубей
Засвечивает дни твоей недели,
Но ты, от страха съездившись в постели,
Мечтаешь пробудиться поскорей.

Наутро снов теряются следы,
Их необъятность свернута спиралью,
И скрыты под опущенной вуалью
Суть откровений или знак Судьбы.

Мир разделен на мгновения в Слове

Не забыть мне сиянье небесных огней,
отраженных в улыбке смешной фонаря...
В чистой лужице плещется детский вопрос
о бумажном кораблике.

Тень января
накрывает ушедший в изгнание год.
Муравейником память становится.
Ночь.
И повернуты вспять иль под нужным углом
те, кто ранее спрятать лицо был не прочь.

Не забыть мне соцветий земные глаза
на поляне, усеянной нитями грез...
С темной улицы ветер срывает печаль
по небесной молитве.

Но капельки звезд
на ладонях невидимых ярко блестят
и слезою стекают в грядущее.
День.
Ускоряется время — лихой метроном
бьет по сердцу чечетку, ломая ступень.

Этих мыслей печать метит скользкий порог,
за которым опять притаился Сатир,
а над пропастью тихо парит черный Змей,
задевая хвостом тело радуги.

Мир
разделен на мгновения в Слове одном
полноводностью рек и желанием пить.
Говорят, не познать не приснившихся снов...
Мне бы — все, чем жила,
НИКОГДА не забыть.

Врезаясь с безудержной силой

У Потемкинской лестницы
В потрепанной шляпке из фетра,
В черно-белом кашне
И пальтишке забытых времен,
Не Яга, не прелестница —
Старая бабушка Петра
Близоруко глядела
На тех, кто весной опьянен.

На Приморском бульваре
Влюбленных счастливые лица,
Карапузы мамашам
Лопочут разборчиво "Дай!"
И бренчит на гитаре
Смешной белобрысой девице
Симпатичный парнишка,
Не в так напевая: "Гудбай..."

Улыбается Петра
Ворчанью сердитых прохожих
И за нить горизонта
Бросает беззвучно: "Живу!"
А на шляпку из фетра
Акация радостно крошит
Цвет извечной весны и...
Последнюю в книге главу.

Так, по-светски торжественно,
Врезаясь с безудержной силой
В жизни всех горожан
И в полет озорных голубей,
День весенний и девственный
Штрихует лучистым курсивом
Червоточины боли
В сердцах постаревших людей...

* * *

Врастая корешками своей тени
В зависимость от мокрого асфальта,
В котором отраженье безрассудно
Корежится от жизнепреломленья,
Нельзя забыть изгибы своей боли
И карлицу-мечту в распятыя сердца,
Нельзя остыть на перепутье судеб,
Впечатываясь зернышком в кострище...
Нельзя!
Пусть это слово отрицает
Возможность хаотичных парадоксов,
Беременных усилиями выпасть
В необъяснимость замкнутого мира...

